

Художник Анна Крымова

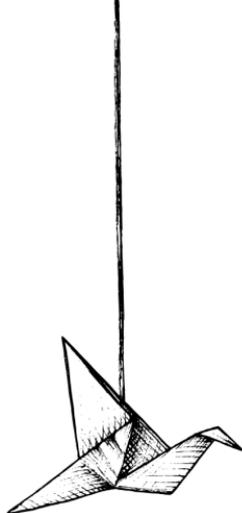
*Хаде Татаевой — с благодарностью за всю ее
теплоту и поддержку*

5

Все события и действия — вымышлены

Пролог

7

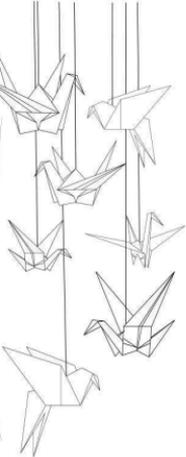
Я всегда думала, что с крыши небоскреба небо будет выглядеть ближе, но это оказалось моей очередной иллюзией и только.

Чужие уставшие облака медленно плыли к западу, обгоняя оранжевое солнце, что озаряло здания теплым медным светом. Однако облака оставались такими же далекими, как и раньше. Сколько ни протягивай руку — так никогда и не достанешь. Должно быть, с любовью точно так же. Сначала тебе кажется, что она, наконец, рядом, и ты наслаждаешься ею и бережно хранишь в своем сердце, но стоит тебе захотеть почувствовать ее, дотронуться, дабы точно понять, что она — настоящая, как осознаешь — ты никогда не сможешь приблизиться к ней и твой удел лишь любоваться ею издалека. Как я — небом.

Вид на чужой город со смотровой площадки открывался шикарный; множество людей: и местных жителей, и туристов — приехали сюда, чтобы насладиться потрясающим зрелищем, и лишь я смотрела на все это безжизненным взглядом. До сих пор было сложно прийти в себя от того, что узнала, но еще больше меня потрясло другое — одиночество, которое, казалось, уже гладило меня по спине костлявой рукой с выступающими венами.

Браться за фотоаппарат, висевший на шее, тот самый, подаренный Антоном, не хотелось. Я могла бы

сделать множество невероятных снимков, запечатлеть один из самых прекрасных видов в моей жизни, но руки не поднимались сделать этого. Они лежали на перилах — такие же безжизненные, как и взгляд.

Ты не виновата. Ты ничего не могла поделать.

Наверное, так, но...

Но это больно, правда? Второй раз нам никто не вызовет некроманта.

Я вздохнула, обхватив себя руками, — так больно стало где-то в глубине сердца.

Все большее количество людей заполняло смотровую площадку небоскреба: раздавались радостные голоса и смех, восторженно щелкали объективы фотоаппаратов, а я не могла пошевелиться и просто стояла, стояла, стояла... Ничего не слыша и никого не замечая.

Небо стремительно чернело, как будто бы кто-то широкими мазками закрашивал его черничной акварелью, и этот же неведомый творец грозился пролить на свой холст воду. Люди с тревогой смотрели вверх и недовольно хмурились. Они заплатили деньги за то, чтобы насладиться чудесным видом, а какой-то там дождь менял им все планы.

Знали ли они, что дождь может сделать серым и небо, и жизнь? Я знала.

Кто-то, увидев черные набухшие тучи, предпочел спуститься вниз, многие переместились в крытую зону площадки. А я застыла на одном месте, чувствуя, как играет с волосами ветер и как первые холодные капли падают на руки. Небо хмурилось облаками, как ребенок, который вот-вот заплачет. А мне даже плакать не хотелось. Пусть за меня это сделает небо — мы ведь с ним так хорошо знакомы и сейчас смотрим друг на друга с непозволительно близкого расстояния.

Я не боюсь дождя. Я не боюсь воды. Я всегда тону, и мне уже больше не страшно.

Одна из капель попала точно на щеку, оставляя на ней мокрый след, словно большая холодная слеза. Я смахнула ее — надо же, на моем пальце частица того самого неба, пусть даже в виде простой капли...

Я улыбнулась случайному открытию — неужели вода может быть небом?

И тотчас улыбка стерлась с лица.

Господи, что мне теперь делать?..

Больше не было смысла тонуть в воде. Мне хотелось утонуть в черном грозовом небе...

...В себя меня привело внезапное движение за спиной — чьи-то широкие ладони вдруг закрыли мои глаза. Я замерла и, кажется, даже забыла, как дышать.

Тот, кто молча стоял позади, появился на смотровой площадке одного из самых высоких зданий этого чужого огромного города совершенно внезапно. И почти умершая надежда попыталась воскреснуть.

Неужели?..

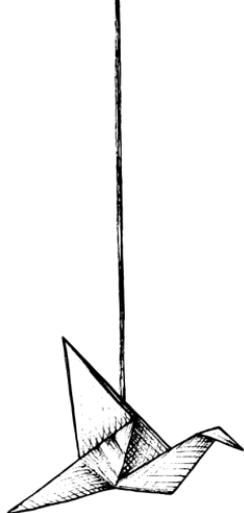
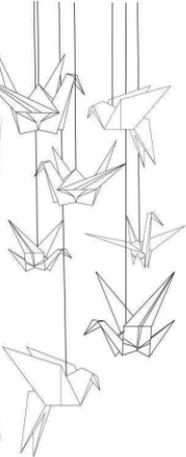
— Антон? — прошептала я.

Человек не убирал ледяных рук, и я горько рассмеялась, поняв, что ошиблась. Его ладони совсем другие: не теплые и не холодные... Странные. И от пальцев его пахло не привычным кофе, а лимоном. Антон ненавидит цитрусовые.

— Кирилл?

На небе сверкнул росчерк молнии, а холодные пальцы скользнули по моей скуле вниз.

Длинные гудки.

«Абонент находится вне зоны действия сети».

«Аппарат абонента не отвечает или временно недоступен».

Андрей Коверин, менеджер популярной рок-группы «На краю», с трудом сдержал себя, чтобы не швырнуть телефон в стену. Вот уже второй час он пытался дозвониться до своих музыкантов, но терпел неудачу за неудачей: ответом ему был то механический женский голос, то противные гудки.

И где они только шляются, когда давно должны были быть здесь, в студии, на записи передачи!

Этот видный мужчина, облаченный в деловой, идеально выглаженный дорогой костюм однобортного покроя, кинул на наручные часы короткий взгляд и вновь выругался. Прямой эфир вот-вот должен был начаться, а этих самодовольных дураков все еще не было. Подумать только!

Из-за потери контроля над ситуацией Андрей, не переставая набирать знакомые до зубовного скрежета номера, машинально мерил шагами один из многочисленных коридоров высотного здания, где располагалась студия популярного музыкального телеканала MBS. Эфир, подготовка к которому шла полным ходом, угрожал быть сорванным.

— Извините... — боязливо выглянул из-за угла один из помощников исполнительного продюсера —

молодой человек с изрядно всклокоченными волосами. — А это... когда «На краю» будут? Шеф интересуется. Их ждут.

Андрей волком глянул на него, и парень поежился. Он уже не в первый раз задавал этот вопрос менеджеру НК и, кажется, уже порядком раздражал его. Но что он мог поделаться, если это была его работа? Парень вообще находился меж двух огней: злым и дерганым исполнительным продюсером и недовольным менеджером «На краю».

— Скоро, — таким уверенным спокойным голосом сказал Андрей, что никто бы не смог заподозрить его во лжи. — Передай шефу, что очень скоро.

Парень торопливо кивнул и скрылся из виду — побежал докладываться, а менеджер только стиснул зубы. Куда запропастились его детки? Им невдомек, какой может быть неустойка за сорванный эфир? Или с ними что-то случилось?

Неожиданный звонок заставил его едва заметно вздрогнуть, но он, увидев, кто звонит, тотчас ответил.

— Кей, ты думаешь, это смешно? Тридцать минут до эфира. Ты где? В аду?

— Прости, я решил переехать в Гваделупу, гоню к аэропорту, — полный откровенно-ложного раскаяния голос фронтмена НК заставил мужчину медленно выдохнуть, прикрыв глаза.

— Кей, — с трудом сохранял спокойствие его менеджер.

— Мне просто страшно сниматься в шоу, — поделился с Андреем тот. — Я так боюсь. Все эти камеры, объективы, незнакомые злые люди...

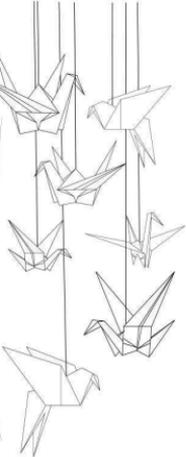
— Да ты что?

— Шутка, — рассмеялся лидер «На краю». К пристальному вниманию он давно уже привык.

— Шутник, — процедил сквозь зубы Коверин. — Ты забыл о неустойке за сорванный эфир? Догадываешься, какой у нее размер?

— Догадываюсь. Четвертый?

— Кей, не глупи. — Вкрадчивость в голосе Андрея увеличивалась прямо пропорционально шуточкам солиста НК. — Где ты? Ты помнишь, что должен быть на эфире?

— Помню. Мы с Филом застряли в пробке в паре кварталов от студии. Если ты попросишь, чтобы мы двигались быстрее, то буду вынужден тебя огорчить — я не летаю. И да, вытаскивать себя из тачки и бежать я тоже не намерен.

— Не сомневаюсь. И когда вы приедете?

— Минут через пятнадцать.

— Так, отлично. — Голос у менеджера оставался ровным, хотя он очень обрадовался тому, что хотя бы двое из пятерых нашлись. — Где остальные?

— А их еще нет? — удивился Кей.

— Если бы были, я бы не спрашивал. Так где они?

— Без понятия. Я не их нянечка, чтобы постоянно контролировать. Это ты у нас занимаешь эту почетную должность. — Кей никогда не страдал переизбытком манер. Скорее, их недостатком. Хотя кто-то даже видел в этом его особую привлекательность.

Коверин же пропустил эту фразу мимо ушей. Теперь, когда он точно знал, что хотя бы двое музыкантов будут на злосчастной передаче, то почти успокоился — все не так погано, как казалось.

— Кстати, что у вас с телефонами? — поинтересовался он между делом.

— Сеть плохо ловит, — недовольно бросил фронтмен «На краю». — И батарея Фила села.

— Не надо было телефоном кидать, — услышал Андрей поучительный голос Филиппа где-то на заднем плане.

— Через пятнадцать минут вас будут ждать у служебного входа. — И, скупно попрощавшись, менеджер переключился на вторую линию, по которой ему звонил еще один пропавший участник группы — Келла.

— Ты где? Когда будешь в студии? Почему недоступен? — вновь начал допрос с пристрастием Андрей. Голос его стал более громким и властным. С этим парнем следовало разговаривать несколько иначе, чем с Кеем. Индивидуальный подход — вот что было девизом Коверина.

— У меня огромные проблемы! — прокричал в трубку барабанщик.

— Какие проблемы? — нахмурился менеджер, потирая лоб. Во что этот парень опять ввязался?

— Личные, мать твою, личные! Я не приеду, — всегда был чересчур эмоциональным Келла. Последнее, что услышал изумленный Андрей, был плач маленького ребенка и вопль барабанщика:

— Да сделай ты что-нибудь с ним!

— Сам сделай, если такой умный, — огрызнулся женский надменный голосок.

— Эй! Келла! Келла! — вновь длинные гудки стали ответом разозленному менеджеру. — Вот паразит.

Связь прервалась, и как Андрей ни старался, так и не смог дозвониться до барабанщика. Впрочем, как и до Арина, Рэна, а также команды техников.

Живое выступление «На краю» в прямом эфире превратилось в призрака.

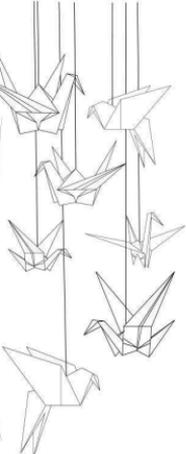
Андрей стукнул кулаком по стене, причем, тут же взял себя в руки и быстрым шагом направился к продюсеру — не исполнительному, отвечающему за выпуск программы, а к генеральному, который, кстати говоря, лично пригласил «На краю», дабы «обрадовать» его, что группа придет в неполном составе. Тот вошел в положение и сразу же поставил в известность режиссера, и его команде пришлось тут же переделывать кое-какую часть сценария, чтобы не напортачить с хронометражем.

Генеральный продюсер, как и Андрей, настроенный по-деловому, знающий цену времени и деньгам, но тонко чувствующий, с кем и как нужно разговаривать, был крайне недоволен, но виду не подавал. На это у него, естественно, были свои причины — его канал первым добрался до команды «На краю», которая буквально только что вернулась из США, где участвовала в грандиозном по финансированию и трансляции фестивале наряду с мировыми монстрами рок-сцены.

— Что же, по крайней мере, будет Кей, — тщательно подбирая слова, проговорил генеральный продюсер, сомкнув пальцы в замок и с отвращением поглядывая на остывший кофе. — А это уже... м-м-м... весомо.

Андрей только учтиво кивнул, не забыв тонко, как-то даже профессионально улыбнуться. Он терпеть не мог, когда его планы рушились.

Оставалось надеяться, что Кей и Фил вытянут прямой эфир.

* * *

В студии авторской программы «Время быть впереди» было шумно и оживленно, хотя до прямого эфира оставалось немного. Гости передачи приехали буквально только что, и теперь съемочная группа носилась вокруг них: Кею и Филу закрепляли микрофоны, проговаривали сценарий, гримировали, в спешке о чем-то расспрашивали и что-то уточняли. Эта нескончаемая суматоха почти мгновенно передалась и в просторную режиссерскую аппаратную, находящуюся в соседнем помещении.

«Царь и бог» аппаратной — режиссер, не по погоде облаченный в бело-синий, с оленями, свитер, сидел перед видеомикшерным пультом с десятками «линеек» — рядами кнопок и внимательно всматривался в многочисленные мониторы, расположенные прямо перед его глазами. Рядом расположилась и его команда: шеф-редактор, ассистенты режиссера, редактор по титрам, оператор телесуфлера, инженер. Позади, за прозрачной перегородкой, находился веселый звуко-реж, восседающий за своим пультом со множеством микшеров, лампочек и рычажков, каждый из которых был подписан.

В этом месте вообще было множество непонятной техники, куча компьютеров и разномастных экранов, сотни кнопочек и километры проводов, и потому непосвященному оно напоминало центр управления космическими полетами.

— Пять минут до эфира, — привычно объявил режиссер в микрофон, все так же не отрывая взгляд от экранов. Он только что вернулся из студии, где раздавал нерадивым подчиненным новую порцию указаний и сам лично поправлял свет — новый осветитель, по его мнению, был криворуким и бездарным.

Один из ассистентов — молодой парень с татуировками и лысой, как коленка, головой, потер руки в предвкушении. Сегодняшних гостей он ждал с нетерпением и очень уж хотел, чтобы эфир побыстрее начался. К тому же все шло без накладок: аппаратура была отрегулирована, а звук и картинка настроены заранее. Все ждало своего часа. Вернее, минуты или даже

секунды — именно они являлись главной временной единицей измерения в российском отделении музыкальной телекомпании МВС, на которой «Время быть впереди» выходило в прямой эфир каждую неделю. Впрочем, это были единицы измерения и всего телевидения в целом.

В нескольких мониторах, на которые передавались планы камер, направленных на ведущего, появился Остап Зайцев. Его тут же начали усиленно припудривать, мешая читать сценарий и поправки к нему.

— Расселся, умник, сейчас опять звенеть начнет на всю студию, — не пылал к нервному экзальтированному Остапу пламенными чувствами режиссер и, пока тот не слышал, позволил себе пару нелестных эпитетов на его счет, как всегда, повеселив всю команду.

Знаменитый музыкальный журналист и модный критик Остап Зайцев, отдавший своему делу почти двадцать лет из сорока с хвостиком прожитых, сидел в красном кресле с высокой спинкой, чинно положив одну тощую длинную руку на подлокотник, а вторую вытянув вперед — в ней был зажат сценарий, в который ведущий все время косил одним глазом.

Слева от ведущего порхала гример, старательно поправлявшая грим. Справа прыгал один из ассистентов. Он, от усердия высунув кончик языка, прикреплял к Остапу «ухо» — специальный микрофон, чтоб ведущий мог слышать режиссера.

— Может, уже хватит? — прогнусавил господин Зайцев, который никак не мог сосредоточиться на сценарии.

— Сейчас-сейчас, Остап Васильич, — прощebetала гример. — Еще минуточку!

— Через минутку у меня прямой эфир начнется, дорогуша, — важно отвечал ведущий. На вид он был худ, высок и нескладен, одевался делано небрежно и даже иногда специально безвкусно, на манер самого Маяковского постоянно нося галстук-бабочку вызывающего пурпурного цвета, а иногда даже и трость. Однако, несмотря на маленькие причуды, журналистом был отменным, да и с ролью телеведущего справлялся замечательно. Недаром его программа, принимающая самых разных гостей, пользовалась большой популярностью.